

КНИГИ О ЗАБВЕНИИ И БЕСПАМЯТСТВЕ

Ольга Анатольевна Джумайло

доктор филологических наук, зав. кафедрой теории и истории мировой литературы Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: oadzhumaylo@sfedu.ru

Аннотация. В статье предлагается обзор научных и научно-популярных изданий, посвященных феномену забвения, среди которых монография К. Альбано “Memory, Forgetting and the Moving Image” (2016), книга Ф. О’Гормана “Forgetfulness. Making the Modern Culture of Amnesia” (2017), а также недавно вышедшее исследование феномена забвения в современной цифровой культуре К. Айхерн “The End of Forgetting: Growing Up with Social Media” (2019). Обозначены общие тенденции рассмотрения забвения в тесной связи с разнообразными категориями кросс-дисциплинарного знания, среди которых память, нарратив, идентичность, травма, аффект, историческое прошлое и др. Социальные, культурные и политические аспекты забвения на разнообразном материале поднимаются в контексте размышлений о «политиках памяти», идеологических фильтров, эрозии памяти и замалчивании. В исследованиях последних лет делается акцент на повседневные культурные практики забвения. В работах, обращенных к цифровой культуре, также остро звучит вопрос о праве на забвение.

Ключевые слова: культура забвения, память и беспамятство, травма, идентичность, право на забвение, цифровая культура.

«Картография» процессов запоминания и забывания, активно разрабатываемая в нейропсихологических исследованиях, – лишь часть исследований памяти в более широком философском спектре, чувствительном к социальным и культурным практикам забвения и «политикам памяти». Современные исследования забвения закономерно связывают этот феномен с памятью, подчеркивая то, что память и забвение не являются элементами бинарной оппозиции: «акты памяти» всегда включают в себя как запоминание, так и забывание; забытое неизменно наличествует в памяти.

Однако внимание к разным режимам забвения (намеренное / безотчетное и пр.), культурным конструктам, с ним связанным (травма / постпамять / проект грезы и пр.), разным субъектам забвения (индивидуум / коллектив и пр.), существенно меняют исследовательские ракурсы ученых. В отдельных работах забвение обретает свою типологию. Так, Пол Коннертон отмечает несколько типов забвения, среди которых: «репрессивное стирание; предписываемое забывание; забывание, которое является конститутивным для формирования новой идентичности; структурная амнезия; забывание как аннулирование; забывание как запланированное устаревание...» [Connerton 2008:59].

Закрепилась и прочная связь между рассмотрением памяти, забвения и повествовательным конструированием «Я». Современ-

ная наука полагает память инструментом избирательным, смыслопорождающим для субъекта. «Первые воспоминания», о которых писал еще Фрейд, – это стратегический и тактический ресурс, они являются продуктом не столько памяти, сколько выбора того, о чем следует помнить. Автобиографическая память, к которой систематически впервые обратились лишь в 1980-х годах, дает материал для понимания сложных треков памяти и ее функций, направленных на то, чтобы связать индивида с его эмпирическими воспоминаниями. Так поддерживается «экономика самости», в которой фрагменты прошлого, выдвигаемые на первый план, становятся фундаментом «Я». Нарративизация памяти в жизнеописании поддерживает и идею о том, что обмен воспоминаниями является важным средством социализации. При этом нельзя забывать о социальных и культурных параметрах, диктующих популярные модели нарративизации воспоминаний. Неудивительно, что эту конфигурацию идей с неизменным фокусом на проблемах идентичности развивают философы, литературоведы, психологи, исследователи культуры. Марк Оже в книге “Oblivion” [Augé 2004:18] формулирует оригинальную формулу: скажи мне, что ты забыл, и я скажу тебе, кто ты. А Поль Рикер в своем исследовании памяти и истории посвящает забвению целую главу [Рикер 2004], указывая на диалектику присутствия и отсутствия в основе репрезентации прошлого.

Феномен забвения имеет также социальное и политическое измерения, которые активно обсуждаются в связи с историческим опытом Второй мировой войны, Холокоста и другими катастрофами предыдущего столетия. Поэтому ученые различают забвение как эрозию памяти, с одной стороны, и преднамеренное политическое замалчивание (*desmemoria*), с другой.

Не следует забывать, что сами научные теории памяти и забвения историчны и способны проиллюстрировать культурные контексты, из которых произрастают. Соответственно, на способы запоминания влияют культурные представления о том, как воспоминания понимаются, конфигурируются и используются. В то же время то, что помнится или забывается в данный момент, в суммарном эффекте разнообразных дискурсов формирует «историческую память». Так, к примеру, популярные научные дискуссии о травме и амнезии меняют не только научное знание о механизмах памяти, но и саму память.

Монография Катерины Альбано “**Memory, Forgetting and the Moving Image**” (2016) [Albano 2016] представляет собой глубокое междисциплинарное исследование, в котором размышления о памяти и забвении, с опорой на позиции конструктивизма, преподносятся на обширном и весьма разнообразном материале визуальных репрезентаций (на материале

фильмов, арт-инсталляций, фотоколлекций и др.).

Среди многочисленных интеллектуальных источников Альбано особое место занимает концепция «мест памяти» Пьера Нора, пафос которой в том числе в сетовании автора на стремительное забвение недавнего прошлого [Nora 1989]. Процесс, запущенный с конца XIX века и все более распространенный в современной культуре, влечет за собой индивидуализацию и психологизацию памяти. Утрата традиционных коллективных форм памяти и механизмы переосмысления ее роли сегодня – в центре монографии Альбано.

Так, бум исследований и проектов мемориального характера в конце 1990 гг., с постоянно растущим числом музеев и памятников, посвященных событиям Второй мировой войны и Холокоста, а также разнообразных акций и инициатив, – явление, которое парадоксальным образом сопровождало умаление роли истории в общественном сознании, процессы политической, социальной и культурной амнезии. Организованные посредством празднований и учреждения мест памяти призывы к сохранению памяти, свидетельствуют о стремлении помнить, но жаждут предать забвению бесславные страницы прошлого. В век массового производства и потребления памяти, по-видимому, существует диспропорция между увековечиванием прошлого, его созерцанием и изуче-

нием. Ибо, придавая памяти монументальную форму, мы в какой-то мере освобождаемся от обязанности помнить. Взяв на себя работу памяти, памятники могут облегчить зрителям бремя их воспоминаний.

Как видится, Альбано избирает уникальные арт-объекты, разрушающие эту тенденцию амортизации болезненной памяти. Отдельным подходом автора становится обращение к сложности аффектов, сопровождающих процессы памяти и забвения. Современное психологическое понимание памяти также предполагает, что воспоминание находится в тесной связи не с прошлым, а с настоящим. Воспоминания становятся инструментом для осмысления теперешнего «Я» и его будущих проектов. В этом контексте память можно рассматривать как воображаемое пространство, в котором мы переживаем субъективный опыт, который, однако, не лишен общих социальных и культурных маркеров. Воспоминания провоцируют переживания и позволяют раскрыть «случайные» эпизоды прошлого и их значение для настоящего через эмоциональный резонанс.

В нескольких главах монографии нейропсихологические теории о динамике запоминания и постоянстве мнемонических следов того, что якобы было «забыто», рассматриваются в связи с культурными и транскультурными моделями памяти. Один из исследовательских кейсов в монографии – работы

Билла Фонтаны, известного своими звуковыми инсталляциями начиная с 1970 гг. и создающего саунд-измерения исторических пространств и звуковые скульптуры. «Места памяти», с которыми работает Фонтана, дестабилизируются посредством тревожных звуковых эмпатических эффектов. Среди иммерсивных пространств, заряженных следами амнезии, – разрушенное здание Анхальтер Банхоф в непосредственной близости от Потсдамской площади в бывшем Западном Берлине (инсталляция “Distant Trains” [Entfernte Züge] (1984)) и звуковая инсталляция вокруг Триумфальной арки в Париже (инсталляция “Sound Island” (1994)). Так, в месте паломничества туристов в центре Парижа путем прямой трансляции звука океана из ряда мест вдоль побережья Нормандии слышен шум волн, крики чаек и внезапные гудки судов. Создаваемый «двойной дубль» заставляет признать сохранность в толще прошлого теперь недоступных следов воспоминаний (остаточных или инактивированных следов [Mace 2010]). Сонификация амнезийного ландшафта в работах Фонтаны воплощает «память без воспоминаний», внушает сознание того, что что-то произошло, но что не может быть представлено в привычных формах. Иными словами, отсутствие репрезентируемого содержания не означает отсутствия события, вместо мнемонического следа есть то, что можно назвать «амнезийным следом» [Parsons 2014].

Если прошлое буквально теряет свою связанность с материальностью быстро изменяющейся среды и остается только в качестве архивной записи, то «место памяти» (*lieu de mémoire* в терм. П. Нора) инициируется как попытка «подавить забвение» мест, которые выражают память повседневного опыта прошлого. Конвергенция пространственных и темпоральных слоев, информационные потоки, которые задействуют как слух, так и области аффективной, эмоциональной и когнитивной перцепции, мобилизуют память в иммерсивных инсталляциях Фонтаны, побуждая к дальнейшим размышлениям о культурных практиках памяти. След прошлого воплощен здесь не в символических, а в динамических реконфигурациях памяти, зависящих от непосредственности переживания момента «здесь и сейчас». Межконтинентальная инсталляция Фонтаны “Cologne San Francisco Sound Bridge” (1987) была реализована путем соединения звуковых скульптур, созданных в Кельне и в Сан-Франциско, и через радио-спутниковый мост между двумя городами. Одновременные звуковые инсталляции в двух городах соединяли различные местные точки и далее транслировали живой звук на соответствующие городские ландшафты. В Кельне шестнадцать локаций были соединены прямой трансляцией, и поступающий звук затем усиливался через динамики, установленные на фасаде городского собора. В Сан-Франциско мост Золотые ворота

был соединен с Национальным заповедником дикой природы Фараллонских островов, а записи звуковых потоков этих двух мест были усилены и переданы в Музей современного искусства Сан-Франциско. Это породило сложные звуковые представления о двух городах и их городской и морской средах. Фонтана также смикшировал записи двух местных инсталляций в композицию, которая передавалась в течение одного часа через спутниковое вещание широкой аудитории в Северной Америке и Европе.

Мгновенное и гибкое производство цифровых воспоминаний, которое приостанавливает историю, по крайней мере на тот момент, когда создается цифровая память, позволяет не только извлечь некоторое содержание из пережитого недавно опыта. Скорее, она позволяет ощутить опыт прошлого как аналог коммуникации в социальных и других цифровых пространствах, в которых воспоминания инициируются постингом, и которые меняют традиционную архивную живую память.

Альбано расширяет анализ следа памяти и рассматривает его через специфику киноархивного следа. В одной из глав архив рассматривается с позиций Жака Деррида, помещающего его на стык технологий записи и психологии памяти. Альбано размышляет о работах художников и кинематографистов Лутца Беккера, Ерванда Джаникяна и Анджелы Риччи Лукки, Гаруна Фароцки и

Эяля Сивана. Во всех рассмотренных работах используются архивные киноматериалы, которые художники по-разному монтируют и восстанавливают. Среди них провокативная работа *Swastika* (1973), основанная на киноматериалах, снятых Эвой Браун, а также лента “*The Double Headed Eagle: Hitler’s Rise to Power 1918–1933*” (1973). В других работах Беккер использует монтаж реальных и постановочных кадров, чтобы создать онейрическую оптику для постепенной нацистской «колонизации повседневности» и разоблачить ее злое проникновение во все сферы жизни. Любопытно, что к идее нашумевшей работы Арендт о банальности зла прибегает и Беккер, и современный французский кинематографист израильского происхождения Эяль Сиван, снявший новый документальный фильм о первом публичном процессе над нацистскими преступниками, процессе над Адольфом Эйхманом “*The Specialist: The Portrait of a Modern Criminal*” (1998). При этом фильм Сивана становится ревизионистским актом по отношению к классике документального кино, в котором при монтаже видеозаписи процесса над Эйхманом значительная некаталогизированная часть материала была объявлена недоступной, несуществующей или утерянной. Сиван восстанавливает, редактирует и монтирует якобы некачественный видеоматериал на 16-миллиметровой пленке. Вместо хорошо известных кадров, которые показывали вы-

живших в лагерях, дающих показания во время суда, в центре внимания Сивана сам Эйхман и его рассказ о том, как нацистский режим разработал и осуществил депортацию миллионов людей. Фильм отвечает культурным потребностям 1990 гг. в понимании психологии преступления: признания Эйхмана позволили увидеть, как этот в целом самый обычный человек подробно описывает на точном бюрократическом языке детализированную работу нацистской машины массового уничтожения.

Творческое использование архивных кадров в качестве иллюстрации предлагает диалог с кинематографическим следом и его аффективным резонансом. Истории фашизма и колониализма начала XX века, а также двух мировых войн и событий Холокоста представлены через документальные образы. Восстановление архивных кадров раскрывает атмосферу, непосредственность опыта переживания этих событий. Движущийся образ дает объем сенсорных впечатлений и показывает, каким образом трагические события истории все еще способны влиять на осовремененные и упрощенческие версии коллективной памяти. Монтаж исторических кадров как следа, возникающего на стыках воспоминаний и забвения, сам по себе неизбывная теоретическая проблема. Достаточно вспомнить критику прагматики монтажа Тарковским и Базеном, который утверждал, что монтаж – это идеологический

фильтр. Так, цифровая платформа Эяля Сивана является одновременно архивом и пространством мнемонического потока. Сиван деконструирует возможности монтажа. Редактирование на платформе предполагает запрет на «готовые» цепочки кадров внутри архива и между запечатленными событиями и свободу формировать «цифровые линки» к материалам, которые замалчиваются и предаются забвению. Платформа накапливает материал «случайных» кадров прошлого, который воплощает архивную диффузию, взаимную импликацию и детерминацию, что, в свою очередь, ставит под сомнение современные режимы репрезентации реальности и прошлого.

Именно через исследование избирательности, конвергенции и молчания в культуре памяти становятся зримы следы стирания и переписывания, которые пронизывают современную политику памяти.

“Forgetfulness. Making the Modern Culture of Amnesia” (2017) – книга Фрэнсиса О’Гормана, уже известного своими размышлениями о феномене беспокойства как симптоме культуры в вышедшей в издательстве Блумсбери книге **“Worrying: A Literary and Cultural History” (2015)**. Данное издание не претендует на научную строгость и полноту освещения беспамятства в истории европейской культуры. Книга представляет собой вольную комбинацию научных концепций (от

Фрейда до Андерсона), исторических обзоров, фрагментов культурной и литературной критики, полемических очерков, личных эссе и даже элементов автобиографии (в одной из глав автор упоминает о своей поездке с возлюбленной к руинам Микен). Автор наблюдает многочисленные изменения культуры современной западной цивилизации, которая строит настоящее и будущее на фундаменте забвения и стирания прошлого, отрыва от его смыслов, отношения к нему как к «травме». Истоки и формы привычки к забвению в современной культуре становятся главными вопросами Фрэнсиса О’Гормана.

Начиная свое сочинение с этимологии *μέμνηρος* (*mesmeros*, греч. память), О’Горман указывает на всегда присутствующий в памяти намек на «беспокойство» и «губительность», что делает забвение прекрасным инструментом, редактирующим прошлое вплоть до полного его исчезновения. Однако перенося эту мысль на размышления о коллективной памяти, автор демонстрирует, как цинично инструментализируется память сегодня, и как возникает привычка к забвению прошлого, если его невозможно сделать прибыльным или использовать как риторическое оправдание настоящего.

Автор буквально подверстывает великие тексты под свою идею, укореняя свою собственную версию культурной истории забвения в далеком прошлом и в словах классиков. Так, уже «О граде Божьем» Аврелия

Августина относится к числу ранних текстов о христианском забвении прошлого в пользу грядущего. Жизнь Августина как новообращенного, отвергнутого, подобно апостолу Павлу, свое собственное прошлое, будто убеждала его в необходимости указывать людям истинный путь – прочь от воспоминаний к спасительной надежде. А пронизательность Гете усматривается О’Горманом в следующих словах классика: «Если бы Гомер оставался нашей Библией, – говорил Иоганн Вольфганг фон Гете (1749-1832), – то каким бы представило человечество!» [O’Gorman 2017: 31].

Автор не отрицает спасительности забвения, когда речь идет о личном горе или дипломатических компромиссах между нациями, и отсылает нас к книге Дэвида Риффа “In Praise of Forgetting: Historical Memory and its Ironies” (2016) [Rieff 2016]. Однако сам О’Горман претендует на размышление другого масштаба: наблюдаемые им на протяжении последнего столетия волны амнезии, не являются результатом утери исторических документов или способности к взвешенным размышлениям, а являются все более привычным состоянием культуры развитого капитализма и ее социальных и экономических практик. Забвение во имя будущего – это то, что становится нашей повседневностью.

Так, кайрос (каiros – момент времени) перестает быть категорией, которая относится к тому, что произошло и что осмысливается как ценность, вместо этого он обещает надежду

на то, что можно ожидать от будущего. Моментальное забвение прошлого во имя грезы о будущем – характерная черта мироощущения европейца и американца уже в девятнадцатом веке. Так, по мнению О’Гормана, современность создается вне связи с прошлым, с обостренным сознанием времени, ускорения, близости будущего.

Здесь-то и возникает значительный объем подчас эксцентричных наблюдений и размышлений автора книги, составляющих ее основное содержание. По мысли О’Гормана, даже расписание поездов мы можем «ретроспективно воспринимать как новый коммерческий документ будущего, побуждающий пассажиров оценивать время его ожидания. Железнодорожная станция, в свою очередь, утвердилась как квинтэссенция современного пространства, пространства, определяемого тем, что грядет, главной чертой Einstellung – механизированных, ригидных форм мышления – нового мира. Железнодорожная станция, не как пункт назначения сам по себе, а как место приезда или отъезда, заключает в себе идею перехода, перипатетическую суть современного человека и приветствует обещание того, что только должно произойти...» [O’Gorman 2017: 37]. Подобным образом рассматриваются городской ландшафт и общественные места (универмаги), всякий транспорт (включая эскалаторы), средства коммуникации (телеграф, телефон, азбука Морзе, новостные медиа и пр.) и ре-

клама. Неудивительно, что горожанин, представитель современного среднего класса, характеризуется как человек, самостоятельно планирующий свое собственное развитие и предпочитающий проект будущего переосмыслению прошлого.

В книге есть любопытные примеры многочисленной когорты тех, кто сопротивлялся новой ментальности «забвения во имя будущего». Среди них Уильям Моррис с «движением искусств и ремесел», Джон Рескин с «Камнями Венеции», Огастес Пьюджин с возрождением духа прошлого в архитектуре и др. И, напротив, мистические и сенсационные сюжеты Диккенса и введенная им сериализация, как режим ожидания нового фрагмента текста, а также произведения Энн, Шарлотты и Эмили Бронте, Уилки Коллинза, Джордж Элиот, Томаса Харди, Элизабет Гаскелл и Энтони Троллопа, по мнению О'Гормана, очаровывали соблазном будущей развязки. Сюжеты с саспенсом, побуждающие к прогнозированию, погружают в предвкушение награды, связываемой с привлекательностью пока неопределенного будущего.

Феномен забвения предстает в совершенно иной перспективе в научно-популярных книгах о цифровой памяти и забвении. Сегодня все больше информации производится и потребляется в сети, и все более значительную часть этой информации можно считать легкодоступной и уязвимой. Стремительно меняющаяся экосфера цифровых данных, в

которой мы в настоящее время живем, привела к непривычному дисбалансу между запоминанием и забыванием.

Этот сдвиг ускорил дискуссии в области информационного права в отношении «права быть забытым» (закон о защите данных). В разгар дебатов по этому вопросу появилась книга Виктора Майера-Шенбергера “Delete”, которая призывала к реализации права на забвение (удаление цифровых данных) [Mayer-Schoenberger 2009]. Затем последовало решение Европейского суда и принятие Парламентом ЕС Общего регламента по защите данных, который недвусмысленно признал и расширил право на удаление (забвение) информации.

В книге Кейт Айхорн с оригинальным названием “**The End of Forgetting: Growing Up with Social Media**” (2019) [Eichhorn 2019], в центре которой ребенок / подросток, цифровые медиа и угроза потери права на забвение. Угроза возникает как результат глобальных изменений экономической и виртуальной среды и несет в себе социальные и психологические риски для сегодняшних подростков.

Обычные подростковые эксперименты с собственным «Я», оказываясь зафиксированными на цифровых носителях, либо ставят под угрозу дальнейшее социальное благополучие, либо изначально блокируются, существенно обедняя диапазон саморепрезентаций. Молодые люди не только лиша-

ются возможности исследовать и примерять новые личности, не опасаясь последствий, они также теряют право на отбор наиболее значимых воспоминаний и их «редакцию», согласно тем проектам «Я», которые становятся фундаментом их социальной и психологической стабильности во взрослой жизни. По мере того, как мы вступаем в эпоху, когда наши «детские воспоминания» будут легко проверяться общедоступными данными, подробно запротоколированными в виртуальной истории, возможностей избежать напоминаний о болезненных страницах биографии (травмах, ситуациях, сопряженных со стыдом и пр.) становится все меньше.

Кроме того, зависимость от цифровых следов лишает человека мобильности: в начале XXI в. удаление собственного аккаунта из социальной сети уже не является простой задачей, а информация, которая когда-то хранилась в фотоальбомах и корзинах, собрана и помечена. Независимо от того, насколько мы стремимся избежать вторжений прошлого, оно может всплыть из источников, к которым был общий доступ наших многочисленных друзей из прошлого. Само прошлое утрачивает спасительную магию эстетизации в воспоминаниях, а пространство и время уже завоеваны всемогущей цифровой записью.

В книге подробно описываются изменения технологического и экономического характера, произошедшие в 1990 гг., которые приве-

ли к радикальному изменению социальных отношений и их репрезентации в демократичном пространстве цифровой среды. До этого времени компании получали доход в основном за счет разработки и продажи оборудования (например, видео и фотокамер) и услуг (например, обработки пленки) или, в случае компьютеров, за счет продажи программных продуктов. Сегодня же все больше компаний зарабатывают на сборе данных, которые пользователи производят, просто находясь в сети.

Помимо того, что почти не покидающие сеть современные подростки становятся самым крупным источником разнообразных данных, их фундаментальное стремление к престижной социализации играет ключевую роль в экономических и коммуникативных практиках цифровой среды. Так, жажда получать постоянное подтверждение в тех или иных сообществах распознается и превращается в товар. А это означает, что у компаний есть веские основания передать в руки молодежи весь спектр коммуникационных технологий.

Опасения автора также связаны с недостатком цифровой культуры и критического мышления у детей и подростков, которые потенциально могут оказаться в ситуации давления, проявлять беспечность и беспомощность перед разнообразными формами вторжения в их персональное пространство. Риск утраты репутации в будущем – как в самом контенте детских цифровых материалов,

так и в неспособности эффективно управлять цифровыми ресурсами, создающими образы «Я». Монетизация права на забвение – один из прогнозов развития современного общества, и, возможно, новый маркер социального неравенства.

В конечном счете, в духе классического либерализма Айхорн предлагает рассматривать забвение в его нерасторжимой связи со свободой: право на забвение прошлых «Я» когда-то освобождало подростка в его креативном жизнестроении, позволяло идти на риск, исследовать новые личности, принимать новые идеи. Не быть привязанным к прошлому собственными воспоминаниями или, что еще хуже, «призраками» чужих воспоминаний – значит иметь свободу переосмыслить себя в настоящем и будущем.

Литература

Рикер, П. (2004). Память, история, забвение / Пер. с франц. И.И. Блауберг, И. С. Вдовина, О.И. Мачульская, Г.М. Тавризян. М.: Издательство гуманитарной литературы.

Augé, M. (2004). *Oblivion*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Albano, C. (2016). *Memory, Forgetting and the Moving Image*. London: Palgrave Macmillan.

Connerton, P. (2008). 'Seven types of forgetting,' *Memory Studies* 1: 59.

Eichhorn, K. (2019). *The End of Forgetting: Growing Up with Social Media*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Mace, J. H. (2010). *The Act of Remembering: Towards an Understanding of How We Recall the Past*. Chichester: Wiley-Blackwell: 43–55.

Mayer-Schoenberger, V. (2009) *Delete: the virtue of forgetting in the digital age*. Princeton University Press, Princeton

Nora, P. (1989) 'Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire' // *Representations*, 26: 7–24.

O’Gorman, F. (2017). *Forgetfulness. Making the Modern Culture of Amnesia*. London: Bloomsbury Academic.

Parsons, M. (2014). *Living Psychoanalysis: From Memory to Experience*. London and New York: Routledge.

Rieff, D. (2016). *In Praise of Forgetting: Historical Memory and Its Ironies*. New Haven: Yale University Press.

References

Augé, M. (2004). *Oblivion*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Albano, C. (2016). *Memory, Forgetting and the Moving Image*. London: Palgrave Macmillan.

Connerton, P. (2008). 'Seven types of forgetting,' *Memory Studies* 1: 59.

Eichhorn, K. (2019). *The End of Forgetting: Growing Up with Social Media*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Mace, J. H. (2010). *The Act of Remembering: Towards an Understanding of How We Recall the Past*. Chichester: Wiley-Blackwell: 43–55.

Mayer-Schoenberger, V. (2009) *Delete: the virtue of forgetting in the digital age*. Princeton University Press, Princeton

Nora, P. (1989) 'Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire'. *Representations*, 26: 7–24.

O'Gorman, F. (2017). *Forgetfulness. Making the Modern Culture of Amnesia*. London: Bloomsbury Academic.

Parsons, M. (2014). *Living Psychoanalysis: From Memory to Experience*. London and New York: Routledge.

Ricoeur, P. (2004). *Memory, history, forgetting*. In I.I. Blauberg, I. S. Vdovina, O.I. Machul'skaya, G.M. Tavrizyan (Trans.). Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury.

Rieff, D. (2016). *In Praise of Forgetting: Historical Memory and Its Ironies*. New Haven: Yale University Press.

BOOKS ON OBLIVION AND FORGETTING

Olga A. Dzhumaylo, Full Professor (Philology), the Head of the Department of World Literature and Criticism at Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: oadzhumaylo@sfedu.ru.

Abstract. The article gives an overview of scholar publications devoted to the phenomenon of oblivion and forgetting, including the monograph by K. Albano “Memory, Forgetting and the Moving Image” (2016), the book by F. O’Gorman “Forgetfulness. Making the Modern Culture of Amnesia” (2017), as well as the recently published study of the phenomenon of forgetting in contemporary digital culture by K. Eichhorn “The End of Forgetting: Growing Up with Social Media” (2019). The general tendencies of considering oblivion and forgetting in close connection with various categories of cross-disciplinary knowledge, including memory, narrative, identity, trauma, affect, historical past, etc., are outlined. The social, cultural, and political aspects of oblivion are brought up on a variety of material in the context of reflections on “memory politics”, ideological filters, memory erosion, and disremembering. Recent research has focused on everyday cultural practices of oblivion. In the works addressed to digital culture, the issue of the right to be forgotten is put forward.

Key words: culture of oblivion, memory and forgetting, trauma, identity, right to be forgotten, digital culture.

